

A decorative border consisting of two horizontal lines of stylized black floral silhouettes. The top line features several flowers and buds, while the bottom line features a similar arrangement of flowers and buds, creating a frame for the text.

BECHOU

ЭТО ВЕРА

— «Vremenagoda»? — Парень, стоявший на кассе, повторил название в одно слово, с ударением на последнем слогe. — C'est pas loin. Vous allez tout droit. Puis vous tournez légèrement à gauche, et après c'est affiché... De rien¹.

И еще сказал (Вера со своим хиловатым французским не сразу сообразила, как перевести “reflet de soleil²”):

— Есть же красавицы на свете. Какая у вас улыбка. Будто солнечный зайчик. Наверно, вас никогда не посещают грустные мысли.

— Никогда-никогда, — засмеялась Вера, прислушиваясь к внутреннему тиканью.

Все-таки не зря французов считают чемпионами мира по комплиментам. Это ведь он не клеится. Какой смысл? Сейчас она сядет в машину, уедет, и он ее никогда больше не увидит. Просто взял и улучшил человеку настроение. Бескорыстно.

Тиканье было тихое, игнорабельное. Надеть наушники, включить музыку, и будет неслышно. Не повод для тревоги. Просто авиаперелет и немножко понервничала из-за машины.

¹ Это недалеко. Едете прямо. Потом слегка берете влево, и дальше будут указатели... Не за что (*фр.*).

² Солнечный зайчик (*фр.*).

Водить Вера начала всего полгода назад и пока еще напрягалась. Плюс незнакомый маршрут, чужая страна.

Это Берзин ее усадил за руль. Убедил, что ей в работе обходиться без колес — чистый мазохизм. Одно из его любимых словечек. У него целая концепция. Пока мы, русские, не избавимся от пристрастия к мазохизму, так и будем в дерьме сидеть. Это, положим, вопрос спорный, но насчет колес Берзин, конечно, прав. Совсем другое дело — ездить по дедкам-бабкам на машине. Не зависишь от поездов, от автобусов. Можно напихать в багажник кучу всякой всячины. Можно взять с собой четырех человек. Едешь, болтаешь, ржешь, музыку слушаешь. За дорогу не устанешь, а наоборот отдохнешь. Никогда Вера не думала, что она из разряда людей, кто водит машину. А вот научилась, хоть было трудно. Зато теперь повод для гордости.

Берзин купил для нее шикарный внедорожник. Ну, не лично для нее, для фонда. Но в ее персональное распоряжение. Когда Вера узнала, сколько джип стоил, пришла в ужас. Накинулась: «Зачем? Стыдно разъезжать по дольцам на роскошном лимузине!». Он в ответ: «Не на роскошном, а на качественном. Я ж тебя не на «порш-кайенн» посадил». Она давай загибать пальцы: «На эти деньги можно было в Ладейкине подстанцию построить и всю электропроводку поменять! Или отремонтировать Рыжовский интернат! Там окна вываливаются, краска с потолка лохмотьями!». Берзин перебил: «Мои деньги. На что хочу, на то и трачу. Вкладываться в барахло, которое от паршивых дорог через год квакнется, это мазохизм. А твой фриц и двести, и триста тысяч намотает». И опять, наверное, он был прав.

В аэропорту «Шарль де Голль», в автопрокате, Веру ждала заказанная Берзиным (ну, не самим, естественно, — секретаршей) машина. Попроще, чем фондовая,

но тоже очень хорошая. Автомат, климат-контроль, навигатор (по-французски «жэ-пэ-эс»).

Вера хоть и в напряжении, но без особых проблем проехала двести километров по шоссе А-13, однако вскоре после съезда с трассы уперлась в ремонт дороги. Жэ-пэ-эс повез ее сначала в одну сторону, потом в другую. Наконец, совсем завравшись, стал требовать, чтоб она при первой возможности развернулась. Пришлось захватить в магазинчик при бензоколонке, спросить дорогу.

Оказалось, цель близка. За первым же поворотом обнаружился указатель, и дальше всё действительно было «афишэ», не заблудишься.

Почему они так странно пишут название: «Vréména-Goda» — подумала Вера. Что на дефисе, понятно. Для французов это бессмысленное сочетание звуков. Проще воспринимать как одно целое. Но зачем черточки над «е»? Сообщила. Без акантов буква «е» произносится как «ё». Получилось бы «врёмёна».

Французский язык Вера когда-то учила в спецшколе. Потом, в институте, подзабыла. Но сейчас, перед командировкой, Берзин организовал ей интенсивный курс с погружением, нанял двух персональных преподавателей. Нашего для грамматики, французенку для разговорного. Во «Временах года» в принципе все говорят по-русски, а при общении с местным персоналом можно было бы обойтись без тонкостей субжанктивакондисьонеля, но Вера была перфекционистка. Собираешься прожить год во Франции — изволь говорить на языке нормально, не через пень-колоду. Кроме того, не сидеть же на территории двадцать четыре часа в сутки. До Этрета, где Мане рисовал скалы, полчаса езды. До Руана, где сожгли Жанну Д'Арк, меньше часа. В Нормандии полно всякого интересного!

Тиканье совсем пропало. Вера успокоилась. Даже стала подпевать айподу. У нее там был записан специ-

альный сборник песен для длинной дороги, без системы и разбора — просто всё, чему можно подтягивать.

«Красавицы могут всё! Красавиц счастливей не-ет! Они никогда не плачу-ут! У них не бывает бе-ед!» — звонко выводила она, когда из-за поворота, на той стороне дороги, выплыл большой коричневый щит с изображением замка и надписью на двух языках: «ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В РЕЗИДЕНЦИЮ «ВРЕМЕНА ГОДА».

Ура, приехали!

Вера поддала газу, чтобы едущему сзади грузовику не пришлось притормаживать, когда она станет поворачивать через разделительную.

Вдруг с обочины прямо под колеса шмыгнула черная тень. Не поняв, не разглядев, что это, Вера со всей силы вдавила педаль тормоза. Ее кинуло вперед, ремень безопасности впился в грудь, голова мотнулась, слетели наушники. Заскрежетали шины, к этому звуку присоединился другой, еще более истерический, — это черная кошка, подпрыгнув, выскочила из-под самых колес и с переходящим в ультразвук воем шмыгнула под живую изгородь. Вильнув грузным корпусом, сердито обгудев замерший «ситроен», мимо пронеслась длинная фура.

Вместо музыки в виски ударило такое бешеное тиканье, какого Вера никогда еще не слышала.

Сейчас? Вот прямо сейчас? В эту секунду? В незнакомом месте, в солнечный майский день? Не может быть! И как пошло, из-за черной кошки! Будто в паршивом телесериале!

Господи, нет! Не сейчас! Не так глупо!

ОМММ, ОМММ, ОМММ...

Все люди, как известно, смертны, и, как опять-таки известно, *неожиданно* смертны. Каждый представляет

собой мину замедленного действия, момент взрыва которой неведом. Авария, инфаркт, сорвавшийся тромб, псих с ножом, террорист-смертник — мало ли какая случайность или неслучайность может сыграть роль твоего персонального детонатора. За среднестатистический день на Земле умирает сто пятьдесят тысяч человек, из них треть в отнюдь не старческом возрасте.

Теоретически с любым человеком всегда может случиться что угодно. Однако мы знаем, что завод нашего часового механизма рассчитан лет на восемьдесят, и это знание помогает большинству до поры до времени не заикливаться на неизбежном.

И Вера не стала бы заикливаться. Характером и душевным складом (прав комплиментщик с бензоколонки) она больше походила на солнечный зайчик, а не на луны волшебной полосы. Но Верин часовой механизм был короткого действия. И еще время от времени «тикал», не позволяя о себе забыть.

Десять лет назад на уроке физкультуры она вдруг потеряла сознание. Прямо из школы на «скорой» ее отвезли в больницу. Уже на следующий день Вера чувствовала себя совершенно нормально. Врачи сказали: ничего страшного, в переходном возрасте, при гормональном всплеске, такое иногда случается. Но перепуганные родители на этом не успокоились. Стали таскать дочку по клиникам, по специалистам, за большие деньги провели передовой по тому времени тест — магнитно-резонансную ангиографию. Обнаружилась редко встречающаяся патология: крупная аневризма базилярной артерии. Микроинсульт произошел из-за того, что этот дефектный участок дал кровоизлияние — на сей раз без необратимых последствий. Но рано или поздно аневризму прорвет по-настоящему, и сделать тут, к сожалению, ничего нельзя. Этот отдел мозга труднодостижим. Всякое оперативное вмешательство, например, попыт-

ка укрепить артерию стентом, чревато массивным инсультом. Так глубоко в мозг медицина залезать не умеет и научится еще очень не скоро, объяснил профессор. Кардинально решить проблему невозможно. Единственно — соблюдать режим. Поскольку резкое повышение кровяного давления чреват разрывом аневризмы, следует избегать физических нагрузок, сильного волнения, стрессов. Ну и молиться Богу.

Позднее Вера узнала, что с ее диагнозом до среднего возраста доживают процентов тридцать, до пожилого — почти никто. Все больные (не совсем правильное слово, ведь в обычной жизни такие люди чувствуют себя вполне здоровыми) по психотипу поведения делятся на две группы. Первая живет в постоянном ожидании катастрофы, маниакально соблюдает режим, поминутно измеряет давление — в общем, ведет хрупкое, стеклянное существование. Люди из второй группы, наоборот, «вытесняют» мысль о взрывном устройстве и проявляют гиперактивность, торопятся урвать от жизни всё, что она может дать. Середины не бывает. Единственное исключение, пожалуй, сама Вера.

Никакого трагизма в своем положении она не ощущала. Наоборот, ежеминутную радость от того, что живет. Не зря говорят: по-настоящему ценишь только то, что у тебя в любую минуту могут отобрать. Жизнь, просто жизнь, — абсолютное счастье. Вера это не логически себе разъяснила, она это постоянно чувствовала. И жить хотела как можно дольше. Принимая условия тикающей в голове мины, но не цепenea от этого метронома. Нельзя заниматься спортом? Есть йога, есть система полного дыхания — для самочувствия это даже лучше бега или тенниса. Не показан алкоголь? Черт с ним, не больно надо. Она и без вина находилась в постоянной эйфории. Не рекомендованы быстрые танцы? Вера изобрела собственную манеру танцевать, за-

медленную, и получалось классно — некоторые даже пытались подражать ее плавным волнообразным движениям. Здесь вся хитрость — дробить ритм, делить его на два, а если очень быстрый, то на три. Опасно психовать? Вера приучила себя ко всем неприятностям относиться спокойно. Не философски, конечно, — какой из нее философ, но без суеты.

В общем, жила Вера полноценной жизнью — как теперь говорят, не заморачивалась. Дурацкое слово, но в данном случае точное. Аневризма не стала для нее ни морокой, ни мброком. Вот только приходилось постоянно вслушиваться, что там с «тиканьем».

Вообще-то этот шум, слышный ей одной, больше напоминал не стук часов, а бульканье воды в батарее. Но думать о своей жизни, как о трубе, которая однажды лопнет, было как-то... обидно. Человек не водопровод и не канализация. Человек — вселенная, которая может, конечно, погибнуть, но только от Большого Взрыва, а не от вулгарной протечки.

Став врачом, Вера узнала: шум возникает от завихрения кровотока, которое сопровождается вибрацией стенок артерии. Как только «затикало», нужно сбавить темп, расслабиться, провести комплекс дыхательных упражнений: оммм, оммм, оммм. Когда же бульканье стихало, Вера всякий раз испытывала прилив жгучего счастья. Еще один подарок судьбы! Жизнь продолжается! Если честно, она полюбила эти маленькие недосмерти с последующим воскрешением.

Расскажи Вера кому-нибудь, что считает себя обладательницей выигранного билета, не поверили бы. Покрутили бы пальцем у виска. Но, во-первых, она никому про свой медицинский казус не рассказывала — зачем? А во-вторых, конечно, ей сказочно повезло. Разве нет?

Сколько людей доживает до старости, без конца ноя, что жизнь — тяжкое испытание и череда несчаст-

тий. Если б не аневризма, и Вера запросто выросла бы дурой, впадающей в хандру из-за ерунды. А кроме того, есть люди — она нередко таких встречала, — кто живет будто понарошку или во сне. Всё мимо них. Вот уж не ее случай!

Иногда она пробовала представить, как это: жить, твердо рассчитывая, что впереди у тебя еще пятьдесят или даже семьдесят лет.

Тоска.

Но от кошки, сигающей под колеса, никаким аутотренингом не уберешься. Сердце судорожно качнуло кровь, она понеслась по артериям с удвоенной скоростью, в голове завибрировал, загудел взбесившийся кран. Самое опасное — усугубить потрясение страхом.

Никто не умрет. Всё хорошо. Всё отлично.

Вера сидела, вцепившись в руль. Включила полное дыхание. Короткие ритмичные вдохи, потом тягучий медленный выдох.

Оммм. Оммм. Оммм.

И что вы думаете? Побурлило, пошумело, начало стихать. Теперь нужно было закрепить успех специальным упражнением.

Вера очень осторожно вылезла из машины, села на траву, в двух шагах от обочины. Тяжелые ботинки расшнуровала и скинула. Они были всепогодные и любимые, но сейчас мешали. Зато одежду Вера носила такую, которая движений не стесняла. Сатиновые шаровары, байковая рубаха навывпуск.

Заплелась в спасительную позу «падмасана», еще подышала глубоким дыханием, минут несколько. Мимо проезжала машина — дуднула. То ли в смысле «круто», то ли в смысле «ку-ку». И то сказать, видок у Веры был еще